

**Символика растений в переводных произведениях.
Растения-«простолюдины»
(на материале переводов с корейского и китайского языков)**

© кандидат филологических наук Е. Н. Филимонова, 2003

Представители растительного мира являются неотъемлемой частью поэтических и прозаических произведений Кореи и Китая. *Цветы, деревья и травы* выступают не только как живые краски для создания идеальной картины природы в ее сезонных изменениях, портрета «идеального» человека, но и как отражение традиционной образности, предвещаний и поверий, веками существовавших в двух странах. Человеческие чувства, отношения в художественной литературе двух стран прочно срослись с природой, их изображение совершенно невозможно вне ее меток и поэтому для их расшифровки неподготовленному русскоязычному читателю необходим специальный комментарий: например, *встреча в тутах* – 'любовное свидание', *ломать ветви сандала* – 'недозволенное любовное свидание', *вязать травы* – 'отблагодарить на том свете за услугу' и т. д. Так называемые растения-«простолюдины» в корейском и китайском «дендрарии» занимают более скромное место по сравнению с такими «благородными» растениями, как *сосна, бамбук, персиковое дерево* и некоторые др. (см. об этом подробнее в первой статье, представленной в настоящем сборнике). Однако для людей, выросших в системе буддийских мировоззренческих координат, *цветы тыквы, камыша или ивы*, а также *изумрудные травы* не менее великолепны, чем, скажем, такие «благородные» и почитаемые в Корее и Китае цветы, как *пион, лотос, хризантема, орхидея*, так как не существует иерархии среди созданий природы, все обладают самоценной красотой и очарованием. В системе дальневосточных представлений *фрукты и овощи* в большей мере предмет эстетики, чем у русских. В системе русских культурных координат *абрикосы, мандарины, дыни и тыквы* и т.п. вызывают бытовые ассоциации о незамысловатой еде, чрезвычайно далекой от категорий высокой эстетики, однако в корейском и китайском стереотипном мышлении они выступают в качестве эталонов красоты, высоких моральных качеств человека, а также символов. В группу растений-«простолюдинов» вошли: *утун, коричное дерево, шелковица, клен, мандариновое, грушевое, абрикосовое, банановое, финиковое и гранатовое деревья, каштан, цветы, травы, камыш, тростник, рис*, а также *дыня, тыква-горлянка, бобы и женьшень*.

Утун (одон, павлония)

Утун – часть опозитивированной идеальной картины природы:

«... с голубого *утуна* звонко капает прозрачная роса, словно журавль проснулся» («Верная Чхун Хян» 1960, 55).

Утун (одон) выступает как знак осени. В переводах часто используется другое название – *утуна (одола) – павлония*.

«С *утунов* листья облетели, значит, настала осень...» («Верная Чхун Хян» 1960, 51); «Я знаю, это осень наступает – // *Павлония* роняет желтый лист» («Бамбук в снегу» 1978, 92); «Последние листья теряет *утун* – совсем обнажил сад» (Ли Бо 2000, 136).

Утуны – место романтических свиданий:

«Праздничной ночью, в пятой луне вы за руку взяли меня и вышли *под утуны* в сад. Посреди беседки вы, глядя на ясное небо, заставили меня поверить клятве, а теперь хотите уехать и меня безжалостно бросить» («Верная Чхун Хян» 1960, 73).

Утун – материал, из которого изготавливают предметы быта, а также музыкальные инструменты. Считалось, что музыкальные инструменты, изготовленные *из павлонии*, отличаются особым звучанием.

«Здесь и... кувшин, вырезанный *из древесины утуна...*» («Верная Чхун Хян» 1960, 59); «Положив на колени комунго *из утуна*, она стала наигрывать мелодию в тоске ожидания» («Чхунхянджон Квонджитан» 1968, 37); «Разве не приходилось вам видеть *павлонию* на скале? Овевают ее метели, покрывают иней и лед, но ствол и ветви ее тверды. Поэтому если срубить *павлонию* и сделать из нее цинь, то звуки его тронут даже металл и камень» («Записки...» 1985, 165).

С *утунами* связано предание: на нем жили мифические птицы фениксы, питающиеся семенами бамбука (см. об этом «Бамбук в снегу» 1978, 295):

«Говорят, фениксы не едят ничего, кроме *плодов бамбука*, – ответила Хун, – а гнезда вьют только *на павлонии*» («Сон...» 1982, 72).

Утун отмечен в образных сравнениях. Красивая девушка соотносена с *утуном*:

«В тот миг она была похожа *на золотое деревце утуна*, с которого слетел феникс» (Би Сяошен 1992, 155).

Коричное дерево

Цветущее коричное дерево – элемент идеальной картины природы в пору цветения:

«*На коричных деревьях* // Цветы распустились в горах...» (Ван Вэй 1979).

В Корее и Китае с *коричным деревом* связано много легенд и мифов. По древним китайским и корейским верованиям, на Луне растет

дерево корицы, под ним живет Нефритовый заяц, который круглый год толчет в ступке снадобье бессмертия (см. об этом «Верная Чхун Хян» 1990, 380). Упоминания об этом мифе в том или ином виде часто встречаются в корейской и китайской литературе:

«В дни юности я в Лунном дворце *под коричневым деревом* толчок снадобье в ступе» («Повесть о зайце» 1960, 380); «Однажды, когда блистало осеннее небо, а яшмовый свод был прозрачен и ясен, когда свет луны потоком струится на землю, я запрокинула голову и стала смотреть на лунную жабу и *коричное дерево*» (Ким Си Сып 1972, 67).

С тем же *коричным деревом* связана и другая легенда о некоем человеке по имени У Ган, который за проступки перед божествами в наказание был отправлен на Луну, приставлен с топором в руках к растущему там *коричному дереву* и осужден вечно рубить его, потому что по воле богов после каждого удара топора вырубленная древесина тотчас восстанавливалась (см. об этом Сидихменов 2000, 11). Это нашло отражение в литературе:

«В ту пору Ли Бо // подымать свою чашку любил, // И У Ган // *ствол коричный* упорно долбил...» («Классическая проза Дальнего Востока» 1975, 286).

Приход осени также ассоциировался с мифическим лунным *коричным деревом*: с наступлением осени плоды опадали с этого дерева.

«Какая удача, что сегодня куда ни глянь – на тысячи ли раскинулось безоблачное небо, катится по небу холодный круг месяца, и от блеска его побледнела Серебряная река! Опадают плоды с *корицы*, и похолодало в Нефритовом тереме» (Ким Си Сып 1972, 61).

Согласно легендам *ветку цветов корицы* держит в руках небесная фея:

«На лазоревом журавле появляется фея... *С веткой коричных цветов* в руке она входит в зал...» («Верная Чхун Хян» 1960, 35); «На голове у феи – венец из живых цветов... в руках – *веточка коричневого дерева*» («Повесть О Сим Чхон» 1960, 182).

Корица – цветовой образ. В корейской и китайской литературе за ней закреплен алый цвет:

«А как чудесно... упиваться нежным ароматом *под сенью алой корицы*...» (Ким Си Сып 1972, 68).

Коричное дерево – строительный материал, из которого делали столбы для павильона:

«... были там и столбы *из коричневого дерева*...» («Книга прозрений» 1997, 419).

Из листьев коричневого дерева делали бумагу:

«Не успел он закончить трапезу, как дева написала на бумаге *из листьев коричневого дерева* стихи, созвучные по настроению стихам молодого человека» (Ким Си Сып 1972, 62).

В корейской и китайской кухне *корица* используется для приготовления ароматных соусов и напитков:

«В коробе было восемь отделений: в одном лежали маринованные гусиные потроха, в другом нарезанное тонкими ломтиками соленое мясо, в третьем – серебрянка *в коричном соусе*»; «На расписанном золотом красном подносе слуга принес две чашки густо заваренного чая с примесью бобов и *корицы* для аромата» («Цветы сливы...» Т.1. 1998, 295; Т.2. 158).

Корица отмечена в составе речений фразеологического характера (далее РФХ). РФХ *сломать ветку корицы / украсить цветком корицы* восходят к традиции, существовавшей в средневековой Корее украшать шляпу *коричным цветком* того, кто первым успешно сдал экзамен на чин (см. Троцевич 1975, 182). По-китайски, *сломать ветку корицы (чжэгуэй)* звучит так же, как 'стать знаменитым; счастливое предзнаменование', поэтому в Китае данное выражение также употреблялось для поэтического обозначения сдачи государственных экзаменов, что открывало путь к высшим постам на административной лестнице (см. об этом «Записки...» 1985, 455):

«Вы уезжаете... *украситесь цветком корицы*, устройтесь в академии, и слава ваша засияет»; «Он *сломал ветку коричных цветов*, которые достались ему так неожиданно...» («Ссяньчхон кыйбонь» 1962, 33; 36).

Тутовое дерево (шелковица)

Тутовое дерево выступает как элемент идеальной картины жизни в деревне. Сбор *тутовых листьев и ягод* – часть деревенского труда, домоводства, вольной сельской жизни, где люди живут счастливо и в достатке:

«Да, я вкусил в деревне родной // аромат осенних садов. // Всю жизнь хотел бы здесь разводить *шелковичные деревья*» («Классическая поэзия...» 1977, 470); «Кончив петь, госпожа Те отложила палочку и сказала: – Эту песню циньские девушки поют обычно, когда обрывают *листья с шелковицы*, я ведь родилась в деревне и по сей день помню, чем занималась в детстве»; «Я, например, люблю заниматься разведением шелкопрядов, собирать *тутовые листья*, делать вино и варить рис»; «Ближе к павильону огородные гряды и стук крупорушек напоминали о вольной сельской жизни. У обочины девушки рвали *тутовые ягоды*, молодые парни рубили на холме хворост, откуда-то доносились звуки свирели, – сразу видно, что люди здесь живут мирно и в достатке» («Сон...» 1982, 565; 584; 586).

Тутовые деревья – спутники отшельника:

«Мир вечной суеты и пустословья // Покинул и вновь пришел туда,
// Где восемь сотен *тутовых деревьев* // среди озер и брошенных полей»
(«Бамбук в снегу» 1978, 197).

Ягоды шелковицы считались лакомством в Китае:

«Были здесь и... свежие зерна лотоса, и водяные орехи, и свежие *ягоды шелковицы*» («Цветы сливы...» Т.1. 1998, 295).

Шелковица – материал, из которого делают музыкальные инструменты:

«Она взяла лютню, сделанную *из корня шелковицы*, и пропела вот что...» («Сон...» 1982, 123).

В древности *шелковица* была предметом серьезных споров между государствами. Эти исторические события упоминаются в художественной литературе:

«Так, препираясь друг с другом, уподобились они княжествам У и Чу, оспаривавшим *шелковицу*, что росла на границе. Ссорились они, будто Юй и Жуй из-за пограничной грядки» («Классическая проза Дальнего Востока» 1975, 275).

В тутовом лесу, Санлинь, находился главный алтарь иньцев, где совершались моления, приносились жертвы и «кузналась воля Неба» (см. «Сон...» 1982, 746-747). Эти исторические события нашли отражение в художественной литературе:

«Вспомните *тутовые деревья* династии Инь – зловещие предвестники беды! Однако со временем потомки прежних правителей перестали пугаться невзгод, а раболепствующие вельможи принялись по любому поводу благовестить одни счастливые события...» («Сон...» 1982, 571).

С тутовыми деревьями связана легенда о первом министре династии Шан Чэн Тане, который правил с 1766 по 1753 г. до н.э. При Чэн Тане страну постигло бедствие – семилетняя засуха. Тогда он, считая себя виновником несчастья, босиком, в простой холщовой одежде отправился в Санлинь (*Тутовую рощу*) и стал молиться. По легенде, Небо вняло молитвам императора и послало обильный дождь (см. об этом «Верная Чхун Хян 1960, 678). Ссылки на эту легенду встречаются в корейской литературе:

«Вспомните, как бывало в старину! Во время знаменитой семилетней засухи хотели принести небу человеческую жертву. Тогда добрый император Тан сказал: «Я молюсь о благе народа, но если нужна жертва, возьмите меня!» И он пожертвовал собой, обрезав волосы и ногти и окутавшись ковылем. Он молился *в тутовой роще*, и вот по всей земле, на тысячи ли хлынул дождь! Вот как бывало в старину!» («Повесть о Сим Чхон» 1960, 210).

Тутовые деревья зарегистрированы в составе РФХ:

«У вас излишне блестят глаза, как будто вы пьяны или вернулись с тайной встречи в тутах»; «Свиданье в тутах гонит прочь тоску, унылый вид» («Цветы сливы...» Т.1. 1998, 307; Т.2., 207).

РФХ *тайная встреча в тутах* означает 'любовное свидание'. Это РФХ восходит к текстам древних песен «Шицзина» (XI – VII вв. до н.э.) (см. об этом «Цветы сливы...» Т.2. 1998, 418).

РФХ *пусть тутовые посадки превратятся в синее море* имеет значение: 'оставаться неизменным':

«Пусть тутовые посадки превратятся в синее море, но сердце моей дочери останется прежним!» («Верная Чхун Хян 1990, 42); «А помнишь, что ты говорил, когда сидел вон там, а я тут? Пусть, мол, синее море станет тутовой роцей, пусть тутовая роца превратится в синее море, но мы не расстанемся» («Корейские повести» 1954, 102).

Клен

Клен – элемент идеальной картины природы:

«А на кленах // у развалин стены // Сверкает роса, // все сильнее блестит под луной...» («Классическая проза Дальнего Востока» 1975, 288).

Багряный клен выступает как знак осени:

«Я встретил странника, он шел неспешно // От Кэгольсана вниз на Сораксан. // «Красивы ль клены там? – его спросил я, // И он ответил: «Иней пал в горах, // Вся в багреце осенняя листва – // Как раз пора пойти полюбоваться!»; «Багряная листва осенних кленов // Прекрасней, чем весенние цветы» («Бамбук в снегу» 1978, 170; 172).

Клен – цветовой образ, за ним закреплен красный цвет:

«Красный клен так нежно красен» («Корейская классическая поэзия» 1956, 168).

Абрикосовое дерево

В корейской и китайской литературе цветущие абрикосовые деревья – неотъемлемый элемент при конструировании идеальной картины весны:

«И ранняя весна настала вновь. // Смотрю, как персики и абрикосы // Уже в лучах заката расцвели» («Бамбук в снегу» 1978, 239); «Вся всю ночь, // На рассвете ветер притих, // И расцвели // Абрикосовые сады» (Ван Вэй 1959).

Абрикосовые деревья украшали сады богатых корейцев. Здесь цветы абрикоса – цветовой образ: за ними закреплен красный цвет.

«С первого взгляда было ясно, что это дом большого вельможи: искусной резьбой украшены перила, круговая терраса обрамлена зелеными ивами и красными цветами абрикоса» («История цветов» 1991, 418).

Зерна абрикоса употребляли в пищу:

«Сначала сладости: очищенный корень болотного растения, жареные грецкие орехи, *абрикосовые зерна*, пастила из мороженых яблок и многое другое» (Сидихменов 2000, 306).

Абрикосовое дерево – материал, из которого делают стропила:

«Узорные *абрикосы* // Срубил и сделал стропила» (Ван Вэй 1959).

Наравне с *цветами* и *плодами персикового дерева цветы и плоды абрикоса* издавна считались эталоном красоты, грации, поэтому они часто встречаются в образных сравнениях:

«Красавица, нежнее *персика*, прелестней *абрикоса*, своими чарами манит» («Цветы сливы...» Т.2. 1998, 258); «Она была прекрасна, как *цветок абрикоса*, увлажненный легким туманом» (Пу Сун-лин 1999,8); «Итак, старшая жена оглядела Цзинь-лянь с головы до ног и была поражена: красавица сверкала, словно жемчужина на хрустальном подносе, могла поспорить грацией с *веткой алых абрикосовых цветов*, озаренной восходящим солнцем» («Цветы сливы...» Т.1. 1998, 111).

Неожиданным для русскоязычного читателя является сравнение женского лица с *абрикосом*. Ему, возможно, не совсем понятно, на чем акцентируется внимание при сравнении: форме, цвете, нежной и матовой коже *плодов абрикосового дерева*:

«Лицо как *абрикос*, как персик – щечки, гибкий, словно ива, стан» («Цветы сливы...» Т.1. 1998, 132).

Еще более удивительным может показаться отождествление мужского лица с *цветущим абрикосом*. Однако из контекста понятно, что в основу образного сравнения лег яркий цвет *цветов абрикоса*, так как с *цветами абрикоса* сравнивается лицо нетрезвого мужчины. Тем не менее, сравнение с *цветами абрикоса*, с точки зрения русскоязычного читателя, относится, скорее всего, к разряду «женских»:

«Лицо его стало походить на *цветущий абрикос*» (Би Сяошен 1992, 47).

Для русскоязычных читателей может показаться странным и отождествление женских глаз с *плодами абрикосового дерева* и *абрикосовыми косточками*. Русскоязычному читателю, возможно, трудно будет принять за эталон красоты женских глаз *плоды абрикосового дерева* и *абрикосовые косточки*, а сравнение лица красавицы с блюдом может показаться ошибочным и даже смешным:

«... смотрит в одну точку прекрасными, точно *абрикосы*, глазами...» (Би Сяошен 1992, 118); «Лицо ее удивляло необыкновенной чистотой, как серебряное блюдо, глаза напоминали *абрикосовые косточки*» («Цветы сливы...» Т.1. 1998, 112).

Цветок абрикоса встречается и в других сравнительных конструкциях:

«Как *цветок абрикоса* на весеннем ветерке – закружится у тебя голова при виде умопомрачительных красавиц!..» («Корейские повести» 1954, 105).

Грушевое дерево

В Корее и Китае *грушевое дерево* – символ долговечности, так как *грушевые деревья* живут долго (см. Тресиддер 2001, 68).

Грушевое дерево – элемент идеальной картины весеннего пейзажа:

«*Цвет груши* с дерева стряхнуло ветром – // И всюду разлетелись лепестки. // Им не подняться до своих ветвей, // Они повисли в нитях паутины» («Бамбук в снегу» 1978, 168); «... землю покрыли *груши цветы*. // Сколько их здесь – справа и слева» («Повесть о Сим Чхон» 1960, 230).

Плоды грушевого дерева идут в пищу людям:

«Тут же разложены сонпхён и замечательное на вкус медовое печенье, хлебцы... Рядом с *грушами* лежали чищенные каштаны, сливы» («Роза и Алый Лотос» 1974, 324).

Грушевое дерево выступает как материал, из которого изготавливают лодки:

«Разбойники плавают в лодках *из грушевого дерева* и гребут веслами из магнолии...» («История цветов» 1991, 318).

Белые цветы груши являлись символом печали и непостоянства:

«*На цвет* весенний *груши* капал дождь // Не уезжать тебя я так просила!»; «*Цвет грушевый* роса уже покрыла // Что ж все не шел ты? Кто тебя держал?» («Бамбук в снегу» 1978, 200; 231).

Не очень привлекательные с точки зрения европейца *цветы груши* выступают в Корее и Китае эталоном красоты и нежной прелести, поэтому часто встречаются в образных сравнениях:

«Ее тонкая талия походила на гибкую иву, готовую вот-вот надломиться, а лицо можно было уподобить разве что *грушевому цветку*» (Би Сяошен 1992, 56); «Если *по грушевому цветку* струятся капли дождя и слышится жалобный стрекот сверчка, это значит, что она плачет» (Маявин 1997, 353); «Третья жена, Мын Юй-лоу, лет тридцати, была высокой и стройной, как *ива*, с овальным лицом нежнее *грушевого цветка*» («Цветы сливы» Т.1. 1998, 112).

Груша входит в состав пословицы:

«... пощадив меня и приняв подарок, вы и тайное благодеяние совершите – спасете человеческую жизнь, и деньгами сможете воспользоваться. Очень хорошо, если бы вы так сделали, одним поступком совершили сразу бы два добрых дела. Как говорится, *и грушу съели бы, и зубы почистили*» («Записки...» 1985, 57).

Гранатовое дерево

Гранат – символ обильного потомства (см. Тресиддер 2001, 63-64). Красный *цвет граната* означал спокойствие, радость, счастье и благополучие. Ими наполняли вазы на столах, а в бедных семьях они изображались на картинках, которые развешивались во время свадьбы (Сидихменов 2000, 379; 23).

Цветущее гранатовое дерево – элемент идеальной картины весны:

«Слышал – ночью сильный ливень шумел. // Вышел – все *цветы граната* раскрылись. // Блистает завеса из капель хрустальных // На ветках над лotosовым прудом...» (Классическая поэзия...» 1977, 451); «*Лепестки гранатовых цветов* усеяли всю землю...» («История цветов 1991, 509).

Красоту *гранатового дерева* воспевали поэты:

«У соседки моей // Под восточным окном // Разгорелись *гранаты* // В луче золотом. // Пусть коралл отразится // В зеленой воде – // Но ему не сравниться с *гранатом* // Нигде. // Столь душистых ветвей // Не отыщешь вовек – // К ним прелестные птицы // Летят на ночлег» (Ли Бо 2000, 91).

Традиционно *гранатовые деревья* высаживались в корейских садах:

«Мимозы, *ветви гранатовых деревьев*, разные сорта пионов, гортензий, камелий, листья бананов, тонкие, как бумага, сливы весенних и поздних сортов, виноград, красные и желтые азалии, лилии и туты – все это перепуталось и переплелось» («Роза и Алы Лотос» 1974, 324-323).

Плоды гранатового дерева люди употребляют в пищу:

«Стол ломился от плодов – зеленого и черного винограда, смородины, лимонов, хурмы, яблок, *гранат*, дынь и арбузов» («Роза и Алы Лотос» 1974, 324).

Цветущей гранатовой веткой женщины украшали прическу:

«Сестрица Юй-лоу научила меня разным любовным песням, – сказала она и, отломив *ветку граната*, пышно распустившегося после дождя, воткнула ее в прическу» («Цветы сливы...» Т.1. 1998, 294).

Цветы гранатового дерева – узор на одежде:

«Быстро скинула накидку зеленого шелка с *узорами цветов граната*» («Верная Чхун Хян» 1960, 41).

Китайский финик (жужуб)

В дальневосточных странах *финик (жужуб)* – важный пищевой продукт. *Финиковое дерево* символизирует плодородие, особенно мужское (Тресиддер 2001, 393).

В Корею по-прежнему распространен старый обычай, когда в юбку новобрачной ее свекр и свекровь бросают *жужубы*, символизирующие мужское потомство, выражая ей таким образом пожелание иметь больше сыновей. Часто встречается на свадьбе и другой обычай, основны-

вающийся на той же символике: жених кладет в рот невесте *жу-жу-б*, а потом они вместе выпивают по чарке вина (см. об этом Ланьков 2000, 385).

Наряду с другими растениями *жу-жу-б* – элемент идеальной картины природы в летнее время:

«Кругом цветут необыкновенные цветы и яшмовые травы... У входа в зеленую беседку – *жу-жу-б*, а в горах – виноград, смородина и крушина» («Верная Чхун Хян» 1960, 47).

Созревшие финики – примета осени:

«А когда в благодатные дни сентября//всюду груши и *финики* зрели...» (Ду Фу 2000, 451).

Китайские финики (жу-жу-бы) служат пищей простым людям. Корейцы также полагали, что их подают на пиру у Небесного повелителя:

«Перед Ли Моннёном поставили покосившийся столик с отломанными углами, на котором стояла миска лапши, кусок хлеба, кусок говяжьей грудинки, *жу-жу-б* и *каштан*» («Роза и Альый Лотос» 1974, 355); «... на алмазном блюде – *китайские финики...*» («Повесть о Сим Чхон» 1960, 226).

Издавна *жу-жу-бу* приписывались волшебные свойства: будто бы он надолго утоляет голод, а также продливает жизнь. Эти *финики* упоминались в древнекитайских памятниках. В трактате философа Янь-цзы, например, рассказывается, что в давние времена циньский князь Мяогун, путешествуя на драконе, нашел такие *финики*. («Корейские предания и легенды» 1980, 216).

«Я пустилась в путь, поплыла морем в далекие края за чудесными *финиками*» («Корейские предания и легенды» 1980, 57); «Ань Ци-шэн с улыбкой вынул из рукава *красный плод* и протянул императору. – Это небесный *жу-жу-б*. Стоит вкусить его – вы забудете о чувстве голода и проживете пятьсот лет» («Сон...» 1982, 374).

Здесь *жу-жу-б* выступает как цветовой образ: за ним закреплен красный цвет.

Зернышко финика, а также сам *финик (жу-жу-б)* встречаются в сравнительных конструкциях:

«Вы изготовили еще одно страшное оружие – тоненькую палочку с приклеенным клочком мягкой шерсти, напоминающим *финиковое зернышко*, длиной не более одного чхи» («История цветов» 1991, 535); «Глянула Ке Хва на Лун Гу – морда, как перезрелый *жу-жу-б*» («Сказание о госпоже Пак» 1960, 537).

Каштан

Цветущий каштан – элемент идеальной картины весны:

«... в этом году // такая ранняя оттепель и *каштан* расцвел в одночасье, // хотя обычно ему на цветение положено несколько дней» (Хён-жонг Чонг 2000, 119).

Сосновые и *каштановые роци* – место отдыха горожан:

«Между Сахеном и Мохвагваном справа и слева – *роци* высоких сосен и *каштанов*. Деревья растут густо и создают затемненные места. Горожане устраивают здесь встречи и проводы, а также тренируются в стрельбе из луков» (Сон Хён 1994, 40).

Наряду с жужубами и кедровыми орешками *каштаны* служат пищей человеку:

«Были поданы вареные и сырые *каштаны*, кедровые орешки, жужубы» («Верная Чхун Хян» 1960, 59).

В Китае и Корее *каштаны* дарили на свадьбу с пожеланиями, чтобы будущий ребенок рос здоровым и крепким (см. Сидихменов 2000, 379).

В корейских преданиях и легендах *каштановое дерево* занимает особое место: под ним родился Мудрейший наставник Вонхё, основавший монастыри Чхоге и «Пхара». В письменных источниках сохранилась легенда, связанная с плодами *каштанового дерева*:

«Плоды этого дерева необычны. Их по сию пору называют *каштанами* Пхара. В одном старом жизнеописании говорится: «Некогда настоятель монастыря разрешил службе каждый день брать на ужин два *каштана*. Служка возблагодарил настоятеля за щедрость. Настоятель удивился, взял у него *каштаны*, и оказалось, что один такой заполнил всю чашу для милостыни. Тогда он уменьшил долю службы наполовину: велел ему брать на ужин только *по* одному *каштану*. Отсюда и пошло название Юльгок – *Каштановая долина*» («Корейские предания и легенды...» 1980, 119).

Каштан встречается в сравнительных конструкциях. В основе этих образных сравнений лежат природные качества этого плода: малый размер, колючая оболочка и т. д.

«Свернулся Еж шариком, подобно колючему *каштану*, и сказал...» («История Цветов» 1991, 334): «Про Ежа скажу так: хоть он и мал и подобен *каштану*, зато коварен и мелочен» (Лим Чже 1964, 80).

Мандариновое дерево

Цветущее мандариновое дерево – примета весны:

«... цвели *мандарины*, цитроны, персики, вишни, яблони и сливы...» («Корейские повести» 1954, 88).

Созревшие *мандарины* – элемент идеальной картины осени:

«Зреют *мандарины* близ речной волны – // Золотыми слитками берега полны» («Повесть о Сим Чхон» 1960, 219); «На пышных деревьях // Под солнцем блестят *мандарины*» (Ду Фу 2000, 204).

Поэты воспевают красоту и стройность *мандаринового дерева*, связывая его с комплексом представлений о постоянстве, негибамости, благородстве души как свойствах человека:

«О, как пышен убор твой – // блестящие листья и ветки. // Высоко поднимаешься ты, // никогда не сгибаясь, // На прекрасной земле, // где раскинуты южные царства. // Корни в землю вросли. И никто тебя с места не сдвинет, // Никому не сломить // вековое твое постоянство. // Благовонные листья // цветов белизну оттеняют, // Густотою и пышностью радуя глаз человека. // Сотни острых шипов // покрывают тяжелые ветви, // Сотни крупных плодов // среди зелени свежей повисли, // Изумрудный их цвет // постепенно становится желтым, // Ярким цветом горят они // и пламенеют на солнце. // А разрежешь плоды – так чиста и прозрачна их мяготь, // Что сравню я ее // с чистотою души благородной! // Но для нежности дивной // тончайшего их аромата, // Для нее, признаюсь, // не могу отыскать я сравненья! // Я люблюсь тобою, // о юноша смелый и стройный, // Ты стоишь – одинок – // Среди тех, кто тебя окружает. // Высоко ты возвысился // и, никогда не сгибаясь, // Восхищаешь людей, // с мандариновым деревом схожий» («Китайская классическая поэзия» 1977).

Плоды мандаринового дерева используются в китайской кухне для приготовления различных блюд, например, соусов:

«На изящных, расписанных цветами блюдах из тонкого фарфора лежали баклажаны под ароматным соусом, сладкая вареная соя, ароматный *мандариновый соус*» («Цветы сливы...» Т.2. 1998, 62).

Мандариновое дерево – материал, из которого делали домашнюю утварь:

«Еще когда Мунмё жил в Восточном дворце, он послал в дар «Палате собрания Мудрых» золотого цвета блюдо, изготовленное из *мандаринового дерева*. В середине блюда полускорописью были написаны стихи о *мандариновом дереве*, высочайше сочиненные Мунмё: «Но особенно приятно – //и для носа, и для уст – // *Мандариновое блюдо*, // что из дерева с озера Дунтин!» (Сон Хён 1994, 48).

С *плодами мандаринового дерева* отождествляются женщины «бальзаковского» возраста:

«Когда ее лучшие годы проходят, к ней подступает старость, любовное чувство в ней ослабевает и силы оставляют ее, тогда к ней приходит мудрость и покой души. В такие годы она подобна выдержанному вину, или *мандариновому плоду*, тронутому инеем, или же многоопытному полководцу, постигшему все тайны военного искусства. Она в эту пору может наслаждаться жизнью» (Малявин 1997, 335).

Мандарин отмечен в составе крылатого выражения, которое имеет значение: 'однажды узнав, невозможно забыть о ком-л. или о чем-л.':

«Кто отведал хоть кожицу мандарина, не забудет озера Дунтин» («Цветы сливы...» Т.1. 1998, 64).

Банановое дерево

Наиболее популярные в Китае и Корее деревья, были окутаны густой картиной зрительных, звуковых и чисто литературных ассоциаций, которые придавали опoэтизированному бытию декоративных растений еще большую конкретность. *Банановое дерево*, например, ассоциировалось с шумом дождя в густой листве (см. Малявин 2002, 335).

Банановое дерево – элемент идеальной картины весны:

«А на посаженных перед домом *бананах*, орхидеях, папоротниках показались свежие листочки» («Верная Чхун Хян» 1960, 52).

Желтеющие *листья бананового дерева* – знак осени:

«Лотос отцвел в пруду, // *банановый лист* пожелтел» («История цветов» 1991, 260).

Банановые листья служат пищей животным:

«Он срывал *банановые листья* и кормил ими оленей» («Классическая проза Дальнего Востока» 1975, 273).

По преданию, *банановый лист* мог служить лодкой бессмертному:

«Сёный поднял глаза и видит – на *банановом листе* плывет бессмертный в зеленом платье и играет на комунго...» («Повесть о Чёк Сёны» 1996, 77).

Сандаловое дерево

Вечнозеленое дерево *сандал* с супротивными кожистыми листьями и красными, нежно благоухающими цветами – постоянный элемент весеннего пейзажа:

«Цветущая пора густых теней и благоуханных трав! Пьянящая картина персиков, пионов, кориц и *сандалов!*» («Верная Чхун Хян» 1990, 25).

Сандал – материал, из которого изготавливают домашнюю утварь и т. д. Здесь *сандал* выступает как цветовой образ: за ним закреплен красный цвет.

«Ступеньки, что спускались вниз от башни, – красного *сандала*, оправлены червонным золотом» («Книга прозрений» 1997, 358); «И *сандаловое блюдо* // для еды вполне годится; // Хорошо для обонянья // пищу жирную вкушать» (Сон Хён 1994, 48).

Алоэ и *сандал* использовались для ароматизации домов:

«Из дорогих курительниц струится нежный аромат *алоэ* и *сандала*» («Цветы сливы...» Т.2. 1998, 225).

Сандаловые деревья могут выступать как предмет купли-продажи:

«В землях (Саньфоцы) много *сандалового дерева* и мастики, это китайцы покупают... А в последнее время в Саньфоци также объявили монополию на *сандал* и купцов обязали продавать это дерево тамошнему правителю» («Нефритовая роса» 2000, 78).

С *сандаловым деревом* связана легенда о мифическом основателе корейского государства Древний Чосон, родоначальнике корейцев Тангуне. Согласно легенде сын верховного небесного владыки спустился на вершину горы Тхэбэксан к *священному сандаловому дереву* (дерево Тан) – жертвеннику духам. Женщина-медведица приходила также к этому дереву молить о ниспослании ей ребенка (см. об этом Самозванцев 2000, 284-285; «Корейские предания и легенды...» 1980, 15-16; 37-38).

Сандал встречается в образных сравнениях, выражениях, содержащих «скрытое» сравнение, а также метафорических выражениях:

«Лица их раскраснелись, страсть и желание любви охватило студента, или, как в таких случаях говорят, *«сандалового господина»*, то есть благородного и благоуханного, как *сандал*, гостя» (Би Сяошэн 1992, 32).

Благоуханный рот любимой называют *сандаловым*:

«Он... коснулся *сандалового рта...*» (Би Сяошен 1992, 126).

Сандал отмечен в составе РФХ *ломать ветки сандала*, которое имеет значение: 'недозволенное любовное свидание':

«Дело ясное, как роса: залез в чужой сад да *ломаешь там ветки сандала*» («История цветов» 1991 262; 638).

Цветы

Цветы в корейской и китайской культурах символизируют весну, молодость, красоту, природную невинность и духовное совершенство (см. Тресиддер 2001, 402).

Цветы в корейской и китайской литературе – знак весны. Наряду с такими обязательными элементами, как ива, иволга и бабочки, *цветы* образуют картину идеального состояния природы в пору цветения:

«*Цветы* у каждой хижины цветут. // Над берегом пруда склонились *ивы*. // И слышу я, как *иволги* поют, // И вижу я, как *бабочки* танцуют» («Бамбук в снегу» 1978, 190); «Ветер подул весенний, // И за ночь *цветы* раскрылись» («Светлый источник» 1989, 414).

Радость от пробуждения природы непосредственно связывается с началом цветения *цветов*:

«Утром замолчал весенний дождь. // Я проснулся, встал и огляделся. // Почки приоткрытые *цветов* // Стали, соревнуясь, распускаться, // И, весенним ликованием полны, // Птицы всюду пляшут и поют» («Классическая поэзия...» 1977, 462).

Цветы могут выступать как образ, несущий идею временного, проходящего. *Цветы*, распускающиеся весной, не вечны. Их пышное цветение естественным образом кончается вместе с весной:

«Как были хороши *цветы* весной! // Зачем они так скоро облетели?»; «Я высадил *цветы*, чтобы всю жизнь // Весеннюю красоту любоваться. // Но на рассвете ветер налетел, // Мороз ударил – и они поникли» («Бамбук в снегу» 1978, 132; 178); «Каждый год та же картина. Приходит весна – распускаются *цветы*. Но вот *цветам* конец – и весне смена...» (Ли Бо 2000, 217).

Образ опадающего *цветка* используется для выражения идеи быстротечности молодости человека, быстрого увядания его красоты, наконец, самой его жизни:

«Гордясь своей весенней красотой, // *Цветы*, не прогоняйте мотыльков! // Пора расцвета – слишком быстротечна – // Неужто это не понятно вам? // Лист развернется и плоды созреют – // А мотыльки назад не прилетят!»; «Так надо ли печалиться о том, // Что как *цветок*, лицо твое увянет?» («Бамбук в снегу» 1978, 199; 215).

Грусть от скоротечности цветения *цветов* легла в основу следующего образного сравнения:

«Красавица с готовностью взяла лютню в руки, тронула струны, и полилась грустная мелодия. Ян вздохнул. – Что за чудо! Напоминает *лепестки* осыпающихся *цветов* или яшму, брошенную в пыль» («Сон...» 1982, 115).

Однако *цветы*, *роняющие лепестки*, по-своему грациозны:

«Их танец напоминал *цветы*, *роняющие лепестки*, и *ветви ивы*, качающиеся на ветру, игру красок в весенний день...» (Ким Ман Чжун 1961, 301).

Конец поры цветения связывается в корейской поэзии с уходом любви:

«Что толку в грусти бабочек и пчелок, // Когда *цветы* роняют лепестки? // Как ни сильна, ни горяча любовь, // Что сделаешь, когда уходит милый?» («Классическая поэзия...» 1977, 442).

В трактате Лим Дже «История цветов» автором утверждается превосходство *цветов* над людьми. *Цветы*, по мнению автора, обладают такими высокими моральными качествами, как терпение, благородство, гуманность и многими другими. Они совершенны:

«Человек – это всего лишь одно из существ, которые во множестве живут между небом и землей. *Цветов* – сотни, тысячи сортов, и человек действительно уступает в долголетию. Человек умирает и не возвращается к жизни, а *цветок* осенью увянет, весной же опять вырастет. *Цветы* расцветают по сезонам, но иногда не увядают даже под инеем и снегом. Поистине человеку не сравниться с *цветами* в долголетию!

Небо при помощи *цветов* производит смену четырех времен года – человек различает их по выросшим *цветам*. А кому из людей можно доверять так же, как *цветам*?

Когда *цветы* распускаются, они не благодарят весенний ветер за цветение, а когда опадают, то не ропщут за это на осеннее небо. А кто из людей обладает таким благородным сердцем?

Одни *цветы* рождаются на каменных ступенях лестниц, другие в отхожем месте, но они никогда не спорят друг с другом, чье положение выше, а чье ниже, кто знатен, а кто низок. Раз они все равнодушны к расцветам и опалам – сердца их иные, чем у людей.

Значит, *цветы* обладают высшей гуманностью, заслуживают полного доверия и совсем не знают страстей. К тому же они многочисленны и долговечны – это небо даровало им совершенную природу.

Цветы многочисленны. А что мы наблюдаем в царстве людей?

Цветы гуманны, заслуживают доверия и чужды всех страстей – а какими из этих качеств обладают правители?

Люди, способные разобраться в одной классической книге и хоть мало-мальски талантливые, всегда начинают бахвалиться перед всем светом и хотят непременно оставить свое имя грядущим поколениям. Поэтому они постоянно спорят друг с другом из-за своих заслуг и хвастают записями на скрижалях истории.

Не таковы *цветы*. Их природа, дарованная небом, прекрасней, чем у других, она подобна природе благородного мужа среди людей. Недаром перед двором сунского наставника из Лянсьи *трава* не была выполота. Он говорил: «И *трава* вольно растет, и мои мысли текут естественно» Если уж благородный муж хотел быть таким же, как *цветы*, значит, по природе он был совершенным и цельным. А те, что удовлетворяют свое честолюбие на поприще произнесения речей перед тронем и сочинения изящных трактатов, усердствуют, чтобы преуспеть на службе, – разве могут они при этом вернуться к совершенному образцу» («Черепеховый суп» 1970, 191-192).

Корейские и китайские женщины, как и женщины других национальностей, украшали волосы *цветами*:

«Его матери было лет семьдесят, но волосы она украшала *цветами*...» («История цветов» 1991, 478).

Цветы в художественной литературе – цветовой образ. За ними закреплены белый, синий, красный и другие цвета:

«Белые и алые, синие и красные – всюду пестрели *цветы*» («Корейские повести» 1954, 79).

Мотивы цветения *цветов* украшали одежду, обувь:

«Императрица в одеждах, украшенных изображениями *цветов*... сошла с возвышения и расположилась в восточном углу залы» («Сон ...»

1982, 547); «... на ногах – пара сапожек, расшитых *цветами*...» («История цветов» 1991, 478).

Цветы в корейской и китайских произведениях являются эталоном совершенной красоты, а также молодости и природной невинности. Сравнение *с цветком* кого-либо или чего-либо считалось высшей похвалой.

С цветком отождествляется: внешний облик девушек и молодых женщин: «Девушки походили *на цветы*, раскрывшие чашечки только что распустившихся бутонов...» (Би Сяошен 1992, 177); "Suddenly he caught sight of a maiden, fairer than *a flower*..." (На Tae Hung 1968, 330); стройная фигура, грациозность девушки: «К двенадцати годам в ней гармонично сочетались красота яшмы, стройность *цветка* и нравственная чистота» («Сказание о госпоже Пак» 1960, 494); «Она была до того грациозна, что походила то на стройную свечу в подсвечнике, то на на колеблюмую ветром *ветку цветов*» («Цветы сливы...» Т.1. 1998, 104); лицо: «Очень хороша! Как говорится, облик – луна, лицо – *цветок*» («Верная Чхун Хян» 1990, 30); «Лицо как *цветок*, луноподобная красота...» (Ким Ман Чжун 1961, 79); щеки: «... он пригляделся: брови взлет, ясные глаза... щечки – *цветы*...» (Ким Ман Чжун 1961, 162); губы красавиц: «Алых губ *бутоном* влечет к себе шмелей, смущает мотыльков» («Цветы сливы...» Т.1. 1998, 111).

С цветком соотнесены внешний облик и улыбка молодого человека:

«Юноша был подобен распускающемуся *цветку*, молодому месяцу» (Ким Ман Чжун 1961, 163); «В дыханье весны распустились *цветы*, // С улыбкою милого схожи они» («Корейские повести» 1954, 112).

Цветы символизируют и духовное совершенство, нравственную красоту человека:

«Да, она любит, очень любит *цветы*. Покойный отец нарек ее Кот Пун (цветочная девочка), желая ей быть красивой, подобно *цветку*. Однако сельчане привыкли считать имя девочки, одаренной милым лицом и прекрасной душой, словно яркий *цветок*, подарком самой природы, – так, мол, нарекла ее сама природа» («Цветочница» 1986, 10).

Цветы встречаются в сравнительной конструкции: красота поэтических произведений отождествляется *с цветами*:

«Стихи похожи... на образ *цветка* в зеркале» («Сон...» 1982, 43).

Цветок, цветы входят в состав многих РФХ. Так, РФХ *цветы и ивы; цветок под луной; цветок, над которыми стелются туманы; цветок расцветший у ворот* (см. «Верная Чхун Хян» 1990, 59; 75; Би Сяошен 1992, 31; 17; 24) имеют значение 'певички; женщины легкого поведения'. РФХ *желтый цветок* означает 'девственница', а РФХ *сорвать цветок* может иметь значения: 'лишить кого-либо невинности' или 'выйти замуж за кого-либо' (Би Сяошен 1992, 96; 35). РФХ *не сло-*

мать зеленой ивы среди цветов означает 'не знать женской любви' («Верная Чхун Хян» 1990, 38).

Цветы отмечены в составе пословицы:

«Говорят, молодые цветы красотой манят, а старые, поблекшие – плодами дарят» («Цветы сливы...» Т.1. 1998, 81).

Рододендрон

Наряду с соснами и кленами *рододендрон* выступает как элемент идеальной картины природы в пору цветения:

«А была в самом разгаре весна. Деревья, травы и все живое радуется жизни. Источает аромат буйный *цвет рододендронов...*» («Верная Чхун Хян 1960, 296); «На вершине скалы расцвели *рододендроны*» («Корейские предания и легенды...» 1980, 186).

Рододендрон (чиндалле) – цветовой образ в корейской литературе: за ним закреплены белый и красный цвета:

«Щеки ее были без единой кровинки, белые, как лепестки *чиндалле*» (Пак Ун Голь 1962, 164); «Озерко затеняется высокими, соприкасающимися друг с другом соснами. А выше него скалы сплошь покрыты *цветами рододендронов* и листвою кленов. Поэтому весной и осенью отражается в воде красный цвет» (Сон Хён 1994, 39).

Весной девушки и юноши украшали *рододендронами* свои прически:

«Она рвет *рододендроны*, закалывает их в прическу» («Верная Чхун Хян» 1960, 39); «Волосы Хана были украшены *веточками цветущего рододендрона*» («Корейские предания и легенды...» 1985, 197).

Считалось, что *рододендроны*, как и хризантемы, клены, а также другие растения, растут в мифических садах Сына Неба:

«Хэ Цин словно во сне вернулся на то место и с сожалением вздохнул: пропали вчерашние желтые хризантемы и красные клены, обильно цвели лишь *рододендроны*» («Записки...» 1985, 197); «В его саду росли... орхидеи, банановые, гранатовые и помеловые деревья, японские и корейские *рододендроны*, и еще великое множество разных цветов, трав и деревьев» («Повесть о Сим Чхон» 1960, 230).

С *рододендронами* связано предание. Оно зафиксировано и в художественной литературе:

«Эти скалы называют Яшмовым Лотосом, а напротив них, взгляните, – скала Лужайка Фей. Есть предание: когда в стране воцаряются мир и благодать, на вершине Яшмового Лотоса расцветают *рододендроны*. Эти цветы уже распускаются десять лет подряд, а в третью и четвертую луну красная тень от них ложится на воды реки» («Сон...» 1982, 627).

Рододендроны встречаются в сравнительной конструкции:

«... затем красиво расположила испеченные на свежем масле хлебцы из белой муки, похожие на цветы рододендрона...» («Повести страны зеленых гор» 1966, 224).

Рододендрон связан с любовной тематикой: красота первой любви отождествляется с росой на *рододендроне*:

«Росой на *рододендроне* любовь // Сверкает под весенним ветерком...» («Верная Чхун Хян» 1960, 63).

Трава

Трава является одним из основных элементов идеальной картины весны:

«Были дни первой четверти четвертой луны. Ивовые заросли звенели от волшебных трелей соловьев, на берегу реки пестрели яркие цветы, зеленела сочная *трава*...» («Сон...» 1982, 66).

Как и цветы, *трава* – временной образ. *Травы* не вечны, жизнь их быстротечна, приходит осень, и они желтеют:

«Отчего цветы цветут, // А потом увянут, // *Травы* зелены сперва, // А потом желтеют?»; «Что ни день – доносится с западным ветром // увядающих *трав* аромат» («Корейская классическая поэзия» 1956, 86; 452); «Но, *травы* ароматные! Люблю вас и жалею. Жалею так, как будто острый нож вонзается мне в сердце! Ведь это последние дни весны...» (Ли Бо 2000, 216).

Дикорастущие съедобные *травы* служат пищей человеку:

«Когда же сходил снег, она собирала в горах съедобные *травы*...» («Братья Хынбу и Нольбу» 1990, 124); «Из горьких горных *трав* похлебку ем – // И кажется она вкусней, чем мясо» («Бамбук в снегу» 1978, 88).

Некоторые *травы* обладают лечебными свойствами:

«В пятую луну на пятый день, // Ай, все пью целительные *травы*, // Выпьешь – проживешь ты сотню лет!» («Корейская классическая поэзия» 1956, 22).

Одежда из трав – примета отшельника:

«Вдруг из горной долины появился какой-то старик в *травяной одежде*, подпоясанный соломенной веревкой» («Записки...» 1985, 243); «Соломенной шляпой накрылся наискосок, // Облачился в *плащ травяной*, // Не мерзну, согрет» («Классическая поэзия...» 1977, 423).

Некоторые виды *трав* использовали в качестве ароматизаторов: мешочки с ароматными *травами* вшивали в пояс:

«Сплетенный из красных нитей пояс на блестящей подкладке из зеленого шелка был украшен благовещими облаками и символами «восьми сокровищ», в пояс был вложен мешочек с ароматными *травами* и лепестками роз» («Цветы сливы...» Т.1. 1998, 104).

В Китае и Корее получила распространение легенда о волшебных островах в Восточном море, где растет *чудодейственная трава*, которая делает человека бессмертным. Но достичь этих островов никто не мог, так как ветры не позволяли к ним приблизиться. На этих островах находятся священные горы Пэнлай, Фанчжан, Инчжоу. По представлениям древних корейцев и китайцев, в этих горах обитали даосы. Вера в их существования была так велика, что при императоре Цинь Ши-хуан-ди (правил в 246-209 гг. до н.э.) была снаряжена экспедиция для розыска этой страны бессмертных (см. об этом Сидихменов 2000, 165; «Повесть о зайце» 1960, 289 и др.). Это нашло отражение в литературе:

«Когда-то Цинь Ши-хуан-ди, объединивший шесть царств, пожелав достать *траву бессмертия*, что растет на Трех священных горах, послал за ней пятьсот юношей и девушек, но вестей не получил»; «*Траву даосов и траву вечной жизни* горою наложите – все без толку, глотайте хоть день и ночь женьшень и панты – конец один. Несметными сокровищами не откупиться от болезни, и даже сила и отвага не преградят ей путь» («Повесть о зайце» 1960, 289; 290); «Ах, уйду я! Ах, уйду я! Остаться на людях больше не вмоготу. Там, в волшебной стране Пхынлай, я буду себе рвать *траву бессмертия*» (Ли Бо 2000, 223).

Трава встречается в образных сравнениях. С ароматной *травой* отождествляется красавица:

«С целомудренной красавицей, невиданной на свете, как жестоко поступили! Словно ярко светящуюся белую яшму с горы Цзиншань погребли в пыли, словно ароматную *траву* с горы Шаншань смешали с сорняками, будто фениксов, резвящихся среди утунов посадили в терновник» («Верная Чхун Хян» 1960, 101).

Оживленная девушка уподобляется *траве* под весенним солнцем:

«Инь и Хуан тут же наполнили бокалы и предложили их Лотос – та опорожнила оба. Вскоре девушка оживилась, как *трава* под весенним солнцем...» («Сон...» 1982, 526).

С покрытой инеем *травой* сравниваются без времени поседевшие волосы некогда красивой женщины:

«И стала так глубока печаль, // Так горести велики, // Что, словно в заморозки *траву*, // Иней покрыл виски» (Ли Бо 2000, 167).

Волосы неопрятной женщины соотнесены с *травой*:

«Бао-дай разозлилась, перестала следить за собой и нарядами, ходила в рваном платье и грязных туфлях; голова у нее была вроде *ключев травы...*» (Пу Сун-лин 1999, 137).

Травы входят в состав РФХ *вязать травы*, которое имеет значение 'отблагодарить на том свете за услугу'. Это РФХ имеет высокую частотность употребления в средневековых повестях и рассказах:

«А вам за вашу доброту, за теплые и ласковые слова я буду на том свете *вязать травы*» («Подвижница Сим Чхон») 1990, 221); «Я очень ценю вашу заботу, – дважды поклонился Дун Хун, и готов *вязать для вас травы*» («Сон...») 1982, 364).

В основе этого РФХ лежит предание о человеке по имени Вэй, который жил в Китае. Умирая, он выразил желание, чтобы его наложница вышла замуж. Когда он умер, его сын Вэй Кэ выполнил его желание, выдав наложницу замуж. Через несколько лет Вэй Кэ преследовал в схватке своего врага Доу Ху. Внезапно появился дух отца наложницы и стал связывать в пучки *траву*, росшую на пути бегства Доу Ху. Тот споткнулся и упал. Победа досталась Вэй Кэ (см. «Верная Чхун Хян» 1960, 638).

Трава встречается в пословице и поговорке:

«Небо не рождает человека без дохода, земля не рождает *травы без названия*» («Братя Хынбу и Нольбу» 1990, 120); «Наша первая хитрость... удалась нам: халлим забеспокоился. Но в старину говорили: «Срезал *траву*, так *вырви и корень!*» Что будет потом? Са с тетушкой Ту уверены, что разыщут кольцо. Если все это раскроется, весь гнев падет на нас» («Скитания госпожи Са по югу» 1960, 352).

Камыш

Цветущий камыш – часть идеального состояния природы в пору цветения:

«Виден остров, // Где густые цветут *камышы*, // ... звучит // Затаенная песня в тиши. // Красота этих мест // в изумленный вторгается взор...» («Классическая проза Дальнего Востока» 1975, 286).

Камыш – элемент осеннего пейзажа:

«Ветер шумит в *камышках*, // Стаи снежинок кружатся...» («Повесть о Сим Чхон» 1960, 219); «Осень шуршит в *камышках* возле берега» («Сон...») 1982, 114).

Следует отметить, что в буддийских странах почитается красота не только таких «благородных» цветов, как пион, орхидея, хризантема, но также и таких простых и с виду непритязательных, как *цветы камыша*.

«... госпожа Сюй ответила так: – Я ведь рыбачка из Цзяннани, потому и люблю больше всех *цветы камыша*. – В этом нет ничего удивительного, – улыбнулась госпожа Сюй, – ведь *камыш* славится как «поющая трава» («Сон...») 1982, 522).

Камыши окружают жилище отшельника:

«Пока луна, что встала над сосной, // Не спустится до *камышей* у речки, // На камне у воды сидеть я буду, // Держа в руках безмолвный каягым...» («Классическая поэзия...») 1977, 474).

Камыш – цветовой образ, меняющийся в зависимости от времени года:

«*Камыш* изумрудный искусною вышит иголкой» («Цветы сливы...» Т.2. 1998, 285); «Желтизну *камышей*//на лету взволновал ветерок, // Небосвод // над волшебной страной широк» («Классическая проза Дальнего Востока 1975, 288).

Камыш – материал, из которого делают различные предметы быта, музыкальные инструменты; отшельники строят *из камыша* дома:

«Пока в разгаре жаркий летний день, // *На камышовой* я дремлю *циновке*; «С *камышовым веером* в руке // Выхожу на каменистый берег»; «В долине Хвагэдона под горой // Стоит мой дом *из камыша* сплетенный» («Бамбук в снегу» 1978, 129; 94;163); «Вдруг *камышовой дудки* слышу свист...» («Корейская классическая поэзия» 1956, 124);

Камышовая шляпа – примета отшельника:

«Я *шляпу камышовую* надену, // Одеждою послужит плащ-нуёк» («Бамбук в снегу» 1978, 50).

Камыш – узор на веере:

«Цинь-лянь достала из рукава веер с изображением речушки и *зарослей камыша*» («Цветы сливы...» Т.2. 1998, 285).

С *камышом* образована поговорка:

«В старину говорили: «*И на камышинке можно переправиться через реку*» («Повесть о зайце» 1960, 306).

Тростник

В корейской языковой ментальности *тростник* стойко переносит бурю и дождь – это дает возможность сопоставить его с несгибаемым, сильным духом, верным своим идеалам человеком:

«Even in the crazy wind and the storming rain, // *The wild reed and water reed* // Have reared upright spirit, // Enduring unspeakable pains» (Park Young-man 1999, 74).

Тростник – элемент идеальной картины весны:

«Last spring when walked on the river bank, // *The buds of reed* whispered in pure and gentle words, // Stirring the fragrance of soil» (Park Young-man 1999, 73); «Плещет струя, // Колышет орех водяной, // И *тростники*, // Дрожа отражаются в ней» (Ван Вэй 1979).

Тростник в переводных произведениях является цветовым образом: девушки мечтают о платьях цвета «*цветущего тростника*» («Книга прозрений» 1997, 350). Однако образ этот для большинства русскоязычных читателей размыт. У русских этот цвет, скорее всего, не вызывает никаких ассоциаций, и он вряд ли будет для них эталонным. Подавляющему большинству русскоязычных читателей трудно будет вспомнить, как выглядят и какого цвета *цветы тростника*.

Тростник – материал, из которого изготавливают различные предметы:

«У врагов, которых я разгромил в этих краях, – ответил Чжугэ Лян, – были *тростниковые циты*» («Сон...» 1982, 163); «Тут загремел барабан у ворот управы, и послышались трели окаймленной золотом *тростниковой свирели*» («Книга прозрений» 1997, 408).

Шляпа и плащ из тростника – приметы отшельника:

«В это время с горы не спеша спустился чхоса в *тростниковой шляпе и плаще*, опираясь на дягилевый посох» («Ссяньчхон кыйбонь» 1962, 28).

Цветы тростника – узор на одежде:

«Появилась Цзинь-лянь в кофте из шаньсийского шелка цвета алоэ, расшитой дикими утками с *цветами тростника* в клювах» («Цветы сливы...» Т.1. 1998, 167).

Тростник встречается в образных сравнениях:

«С *тростником*, который колышется от ветра» сравнивали китайских женщин из богатых семей, которым настолько бинтовали ноги, что они почти совсем не могли ходить самостоятельно» (Сидихменов 2000, 354).

В корейской и китайской языковой ментальности стройная девушка отождествляется с *тростником*, для русскоязычного читателя же стройная девушка, наверное, будет ассоциироваться с *березкой, тростник*, скорее всего, вызовет ассоциации, связанные с худобой и хрупкостью тела.

«Стройная, как *тростинка*, ножками не налюбуйешься» («Цветы сливы...» Т.2. 1998, 16).

Тростник отмечен в пословице и поговорке:

«Из *корня тростника* вырастает *тростник*, из *корня бамбука* – *бамбук*» («Золотая птица Гаруда» 1994, 3); «Не зря говорят: *«Даже если есть шелк и конопля, не выбрасывай осоку и тростник»*. А потому благородный муж всегда держит наготове то, чем можно заменить недостающее» («Корейские предания и легенды...» 1980, 124).

Рис

Рис – основной продукт питания в Корее и Китае, в материальном и символическом значении соответствует хлебу в России. *Рис* входит в число пяти злаков, почитаемых в двух странах. Среди них: *пшено, просо, рис, горох* и *бобы* (см. об этом Сидихменов 2000, 5; «История цветов» 1991, 578 и др.). Хотя, по мнению Т. Симбирцевой, *рис* проник на Корейский полуостров около двух тысяч лет назад, он стал важным продуктом питания только в VII веке, в период Объединенного Силла. Простой народ же северных районов ел просо, на юге ели ячмень. Око-

ло V-VI веков нашей эры *рис* распространился среди зажиточных слоев населения. В период Корё *рис* стал стандартом потребительских цен, зарплату платили, или, по крайней мере, начисляли, в мерах *риса*. Но и тогда производство *риса* не превышало производства проса. Лишь в период династии Чосон *рис* действительно стал «продуктом номер один» (см. об этом Симбирцева 2000, 206).

Уважительное отношение к *рису* проявляется и в наличии в корейском языке нескольких лексем для обозначения *риса* в зависимости от его предназначения: *саль* используется для обозначения зерен риса, *чук* – жидкой рисовой каши, *пан* – рисовой рассыпчатой каши и т. д. Это нашло отражение в литературе:

«Вареный *рис*!.. Какая драгоценность! А вы опрокинули столик с *рисом*! Когда *рис* подают королю, его называют «сура», когда его вкушает янбан – это «чинджи», когда *рис* ест слуга – он называет его «инси», промеж друзей ему имя «пан» – когда предлагают духам предков, его называют «чинме». Вот в каком почете, этот *рис*!» («Братья Хынбу и Нольбу» 1990, 152).

Крестьянские мечты о счастливой и сытной жизни связывались непосредственно с посадкой этой основной зерновой культуры, *рису* поклонялись как божеству – все это нашло отражение в песнях крестьян:

«Оёро Сансадийо! // Вспахать бы нам поля и *рис* посеять, // Пожить бы нам и сытно и спокойно!» («Верная Чхун Хян» 1960, 112); «Радость и бог наш, *рис*, // уже стоит на корню!» («Сон...» 1982, 590).

Рис – элемент идеальной картины деревенской жизни:

«Набрала молодая редька сок, // А скороспелый *рис* колосья клонит. // И рыба стала хорошо клевать, // И ловятся легко большие крабы. // Наверно, лишь в таком житье-бытье // Крестьянин радости свои находит!»; «Иногда по дорожкам вдоль нивы брожу, / где цветущий *рис* духовит» («Классическая поэзия...» 1977, 470).

Рис – цветовой образ, за ним закреплен белый цвет:

«Живут в хоромах, наслаждаются богатством и славой, в шелка одеты, на столе *рис* белее белого нефрита» («Братья Хынбу и Нольбу» 1990, 116).

Рис является основным блюдом жертвенного стола:

«Женщины собираются во множестве, выставляют жертвенный *рис*, призывают души покойных родителей» (Сон Хён 1994, 56); «... она готовила *рис* для подношения духам» («Повесть о Сим Чхон» 1960, 182).

Во время трапезы *рис* и *рисовую кашу* подавали в качестве основных блюд:

«В оправленных серебром чашках дымился *рис*, на тарелочках... сладкая *рисовая каша*» («Цветы сливы...» Т.1. 1998, 249).

Рис – сырье, из которого изготавливали водку, вино и даже пудру для умывания:

«*Водка рисовая – чудо, // и вкусна сырая рыба*» («Классическая поэзия...») 1977, 464); «В один налито виноградное вино Ли Бо... а там – *рисовое вино... вино из белого риса...*» («Роза и Альый Лотос» 1974, 324); «Еще там стояло старинное бронзовое зеркало... кубок с зеленой *рисовой пудрой* для умывания...» («Книга прозрений» 1997, 390).

Рис входит в состав РФХ, значение которого четко прослеживается из контекста:

«Рос он, как говорится, *в шелковых одеждах да на белояшмовом рисе*» («Черепашовый суп» 1970, 110).

Рис отмечен в пословице:

«Как говорит пословица, *монах мантры бубнит, а сам о жертвенном рисе думает*; так и сейчас, казалось Чин Ён, монашка думала не о службе, а ее, Чин Ён, поведении – в храм, дескать, пришла, а сама стоит как истукан» («Золотая птица Гаруда» 1994, 132).

Бобы

Созревающие бобы – примета осени:

«*Красных бобов // Много в южном краю: // Осень придет – // Новых побегов не счесть*» (Ван Вэй 1959).

Плоды в том или ином виде идут в пищу людям, а *листья бобов* – животным:

«Решил угостить тебя жареными *бобами*» («Сказки народов мира» 1987, 100); «Конечно, трудное детство, семеро по лавкам росли на *бобовой похлебке*, а теперь вроде в люди выбился, дело свое имеет» («Золотая птица Гаруда» 1994, 151); «Как ни гони ты черную корову, // Что втихомолку в поле забралась // И объедает у *бобов листочки*, – // Уйдет ли прочь она, оставив их» («Бамбук в снегу» 1978, 219).

Бобы в корейской и китайской литературе цветовой образ. За ними закреплен красный цвет:

«Вдруг откуда ни возьмись лежит на дороге красное круглое *бобовое зернышко*» («Повесть о фазане» 1960, 135).

Бобы отмечены в составе РФХ и пословиц. Как правило, значение их понятно их текста произведения:

«Что же это он вдруг про меня вспомнил, отчего *в холодном котле бобы стали лопаться?* А, понимаю. Место покойницы жены пустует, вот он и хочет, чтоб я кого-нибудь ему сосватала» («Цветы сливы...» Т.2. 1998, 206); «Зять этот настолько глуп, что, как говорится, *не мог отличить бобов от ячменя*» («История цветов» 1991, 112); «Ведь всегда найдутся такие, кто *на пожаре у соседа ухитрится сварить свои бобы*. Так и тогда: страна пухла от голода, но было немало людей, сколотив-

ших на войне и сотрудничестве с японцами немалое состояние» («Золотая птица Гаруда» 1994, 55).

Бобы встречаются в сравнительной конструкции:

«Словно *проросшие бобы*, выглядывают из рогожи головы детей...» («Братья Хынбу и Нольбу» 1990, 117).

Дыня

Дыня нередко выставлялись в качестве жертвоприношений. Это имело определенное символическое значение: большое количество семян сулило большое потомство семье, причем, что очень важно для Кореи и Китая, состоящее из сыновей; зеленый цвет – цвет юности; круглая форма – символ полного согласия в семье (см. об этом Сидихменов 2000, 64).

«На вершине горы стояла кумирня Гуаньди. Говорили, будто она чудотворная... Некоторые даже купили *дыни*, чтобы принести их в дар...» («История цветов» 1991, 521).

Дыня и арбуз соотнесены с любовной ситуацией:

«Ох, эта любовь, любовь, // Завязанная узлами, // Сплетенная, словно сети, // Те, что бросают в море, // Вьющаяся, как в поле // *Плети дынь* и арбузов, // Что через межи ползут! Она у меня такая!» («Бамбук в снегу» 1978, 214).

Дыня встречается в сравнительных конструкциях:

«Чуть ли не до плеч свисали похожие *на дыни* серьги» («Цветы сливы...» Т.2. 1998, 341); «Твои слова, мой друг, как *дыня*, сладки» («Бамбук в снегу» 1978, 220).

Красивые женские ноги отождествляются с *семечками дыни*. Подобное сравнение может вызвать у русскоязычного читателя недоумение, так как ему трудно принять за эталон красоты женских ног *дынные семечки*.

«... ты вскочила на качели ножками-*дынными семечками* и стала качаться среди белых облаков...» («Верная Чхун Хян 1990, 29).

Тыква-горлянка

Тыква-горлянка – особый вид *тыквы*, обычно в виде бутылочки, суженной посередине. Наряду с цветком лотоса, бамбуковой дудкой и веером *тыква-горлянка* считалась одним из неперменных атрибутов «восьми бессмертных» (Малявин 2000, 498). Примечательна символика *тыквы-горлянки*. *Тыква-горлянка* в китайской традиции есть универсальный символ и символ универсума как «мира в мире», то есть мира в целом и мира особого, другого, или, по-китайски, «*тыквенных небес*». Очень древние корни связывали *тыкву* с понятием первозданного Хаоса в Китае. Эти связи сохранились и в эпоху Средневековья, когда *тыква-*

горлянка считалась прообразом пустотно-вместимой Утробы Мира. Фольклор средневекового Китая изобилует легендами о «*тыквенных старцах*», живущих в *тыкве-горлянке*. В этих легендах узкое горлышко *тыквы*, подобно отверстию пещеры в Божественной горе, оказывается входом в потусторонний мир, в блаженную страну небесных небожителей. Кроме того, необычная форма *тыквы-горлянки*, как бы составленной из двух вкладывающихся друг в друга сфер, представляла символом недвойственной природы реальности как единения матери и ребенка. В Китае это сосуд для хранения жидкости послужил традиционным прототипом ваз и чайников. В минское время двери домов изготавливали в виде восьмиугольника и *тыквы-горлянки* – знаков космического цикла перемен и полноты Хаоса (Малявин 1995, 149; 216).

Цветы тыквы – элемент идеальной картины весны в пору цветения:

«The early morning starts with the wind, // *The pumpkin opens his day with many flowers*» (Park Young-man 1999, 63).

В буддийском мире считается, что *цветы тыквы*, как и всякие другие, достойны восхищения. Однако большинство русскоязычных читателей не сразу-то и вспомнит, как выглядят эти *цветы*, им и в голову не придет восхищаться ими. Невзрачные *цветы тыквы*, огурцов, картофеля, гороха и т. д. – это нечто повседневное, обыденное, которое не может расцениваться как предмет эстетики.

«Я родилась в провинции, – начала госпожа Сюй, – и прожила в глуши чуть не всю жизнь. У нас было заведено сажать возле плетня *тыквы*, вот мы и любовались их *цветами*, ну а потом лакомились *плодами*, наверно, поэтому больше всего я люблю *цветы тыквы*» («Сон...» 1982, 523-524).

Тыква – одна из бахчевых культур, традиционно выращиваемых в сельской местности:

«Северный дворик был ровным и широким. В нем – строгие квадраты грядок с луком и чесноком, уступами ниспадают, цепляясь за рейки и затеняя двор, *плети* огурцов и *тыкв*» («История цветов» 1991, 481).

Как и в других странах, в Корее и Китае из *тыквы* традиционно готовили различные блюда:

«В доме нет даже *тыквенной похлебки*, а вы чего захотели» («Братья Хынбу и Нольбу» 1990, 117); «Служанки принесли «гостевой рис», салат из зелени, только что срезанную *тыкву*, барашка» («Сон...» 1982, 588); «На другой день навестить Пин-эр пришла монахиня Ван, принесла отборного риса, два десятка молочных лепешек и коробочку с соусом из ароматной *тыквы* и баклажанов» («Цветы сливы...» Т.2. 1998, 167); «A piece of *pumpkin-glutten candy* wrapped in newspaper» (Park Young-man 1999, 73).

Тыква выступает как цветовой образ, за ней в художественной литературе закрепились красный и желтый цвета:

«Волосы на макушках повылезли и виднелась кожа, красная, как *тыква*...» («История цветов» 1991, 509); «На ивах мох, и желтые *тыквы* здесь продают» («Китайская классическая поэзия» 1977).

Тыква-горлянка – материал, из которого изготавливали различные предметы быта. Высушенные *плоды тыквы бутылочной (горлянки)* выдалбливались и использовались для перевозки воды или лекарств; половинки *тыквы*, элементарная принадлежность хозяйства корейца, употреблялись как черпаки для воды или для вина:

«Бедная! Колени у нее обмотаны лоскутьями холста, от драного халата остались, казалось, одни завязки, на голове – вылянявшая зеленая шляпа, дырявые соломенные туфли одеты на босу ногу, в руках – пустой *тыквенный ковш*» («Повесть о Сим Чхон» 1960, 194-195); «Затем подали вино в *тыквенных чашах*, полных до краев...» («Сон...» 1982, 588); «А в дорогу он нарядился вот так: старая рваная шляпа ценой в семь грошей на рваной подкладке, к подшляпнику старым шнурком привязаны колечки, вырезанные из *тыквы-горлянки*...» («Роза и Альби Лотос» 1974, 342).

В старину в Корее бродячие актеры использовали сушеную *тыкву* в качестве музыкального инструмента:

«Как-то он раздобыл огромную сушеную *тыкву*, на которой играют во время танцев бродячие актеры» («Корейские предания и легенды...» 1980, 121).

Сушеная *тыква* была постоянным спутником Мудрейшего наставника, проповедника учения Будды Вонхё. С ней он ходил по стране, распространяя идеи буддизма. Это нашло отражение в литературе:

«И он дал названия своей *тыкве* «Муэ» – «Не надо мешать». Как и раньше, он слагал песни и пускал их по свету. Он обращал мирян в учение Будды» («Корейские предания и легенды...» 1980, 121).

Тыква-горлянка часто встречается в образных сравнениях при описании внешнего вида красавиц. Белизна кожи красавицы отождествлялась с нутром *тыквы-горлянки*:

«... кожа твоя сверкает белизной среди белых облаков, как нутро *тыквы-горлянки*» («Верная Чхун Хян» 1960, 44).

Хрупкое тело девушки уподобляется *тыкве-горлянке*:

«Ее хрупкое тело походило на плывущую по воде и колеблемую волнами *тыкву-горлянку*» (Би Сяошен 1992, 83).

Лицо, а также зубы красавицы соотносятся с *тыквенными зернышками*:

«Лицо овальное, как *тыквенное зернышко*» («Цветы сливы...» Т.1. 1998, 158); «С этими словами она с осенней волной глаз послала неж-

ность, а затем вдруг раскрыла рот, и *тыквенные семена* еле-еле обозначились» (Пу Сун-лин 1999, 136).

С *тыквой*, правда незрелой, может отождествляться лицо не очень красивой и не очень опрятной женщины:

«Белила и пудру Юй-цзань накладывала как попало, так что лицо ее напоминало незрелую *тыкву*» («Цветы сливы...» Т.2. 1998, 342).

Тыква встречается и в других сравнительных конструкциях:

«Затем они захотели разделить между собой, как *тыкву*, по частям старый дом Вана» (Пу Сун-лин 1999, 313).

Форма *тыквы-горлянки* считалась эталонной, поэтому многие предметы быта изготавливались по ее подобию:

«... кувшины в виде *тыквы-горлянки*, наполненные кипячеными сливками и вином-росой...» («Повесть о Сим Чхон» 1960, 226); «Когда с Цинь-туна начали стаскивать штаны, у него из пояса выпал парчовый мешочек с благовониями, формой похожий на *тыковку-горлянку*» («Цветы сливы...» Т.1.1998, 141).

Тыква отмечена в составе известного древнего крылатого выражения «*тыквы и сливы*», которое имеет значение 'не желает, чтобы люди думали, что он крадет *тыквы* или прихорашивается после кражи *слив*':

«Я знаю, – сказала она, – что вы талантливый ученый, с одухотворенным и подвижным умом, и хочу поручить вам наш дом. Вот почему я и преступила боязнь, как говорится, «*тыквы и сливы*» (Пу Су-лин 1999. 245; 371).

Женьшень

На Востоке *женьшень* считается символом мужества. В Корее *женьшень* подразделяется на два вида: «*женьшень*, разводимый искусственно, называется *инсам*; *женьшень*, растущий в диком состоянии в глухих дремучих ущельях, называется *сансам*» (Паукер 1904, 67).

Корень женьшень стоит на первом месте среди растений, наделяющихся в корейской и китайской ментальности совершенно исключительными свойствами, в течение столетий считалось, что лекарства, изготавливаемые из *женьшеня*, обладают «божественной способностью обеспечивать физическое и психическое равновесие. Вера в волшебные свойства *женьшеня* находит отражение в литературе:

«... *инсам*, это святая, чудодейственная *трава*...» («Цветочница» 1986, 40).

Довольно подробную информацию о *женьшене* находим в книге В. В. Малявина «Китайская цивилизация» (2000, 336). В книге описывается форма *корней женьшеня*, его целебные свойства, приводится одна из легенд о *женьшене*:

«*Женьшень* значит «подобный человеку», ибо этот загадочный корень своей формой неотразимо напоминал человеческое тело. *Женьшень* слывет в Корее и Китае настоящей панацеей, он может помочь там, где другие снадобья уже бессильны. Согласно китайским медицинским справочникам, *женьшень* обладает свойствами «исцелять» пять внутренних органов, приводить к покою дух, рассеивать страхи, улучшать зрение, повышать чувствительность и просветлять ум, а, если принимать его продолжительное время, он укрепит жизненные силы и продлит жизнь.

Выкапывали *женьшень* весной или осенью. Для того чтобы проверить, действительно ли найденный корень относится к семейству *женьшеней*, два старателя быстро шли по лесу несколько километров кряду, и один из них держал чудесный *корень* во рту. Если к концу этого марша тот, кто держал во рту *корень*, не чувствовал усталости, можно было не сомневаться, что он настоящий. Употребляли *женьшень*, как правило, в виде настойки или отвара, который пили из серебряной посуды».

Иногда в тексте художественного произведения содержится информация о местах, где произрастает лучший в мире *женьшень*, описываются его формы, цвет и даже размер, а также приводится связанное с ним поверье:

«Лучший в мире *женьшень* водится в местечке Начжу провинции Чолла: у него совершенная форма, красноватый цвет, его «руки» и «ноги» длиной четыре чи, на «голове» маленькие рожки – такой *женьшень* называют «малышом». А есть еще «корень жизни», называемый «дерезником», он похож на собаку. Говорят, если хранить его тысячу лет, он начинает лаять на человека» («История цветов» 1991, 578).

Панты, медвежья желчь, *женьшень* и т. д. – дорогостоящие товары:

«А в свертках панты, *женьшень*, медвежья желчь и разные сорта киновари. Если все эти снадобья прикинуть на деньги, то наберется более десяти раз по сто миллионов лянов. Пожалуйста, торгуйте ими себе на пользу» («Братья Хынбу и Нольбу» 1990, 141).

Итак, как показали исследования, практически все растения этой группы участвуют в создании идеальной картины мира природы в художественных произведениях двух стран. Каждый сезон имеет свой собственный набор «растительных» поэтических образов: весенние символы – *цветы, рододендроны, цветы тыквы, цветущие коричные, абрикосовые, грушевые, гранатовые и сандаловые деревья*; постоянные образы лета – *ароматные травы, созревающие огурцы и тыквы*, а также *рис*; осенние символы – *утун, роняющий листья, багряный клен*; приметы зимы – *покрытые инеем плоды мандаринового дерева*.

Некоторые «растительные» образы одновременно выступают как знаки разных времен года: *камыш, банановое и финиковое деревья*.

Растения-«простолюдины» выступают как эталоны женской и мужской красоты (*абрикосовое и грушевое деревья, утун, тростник, тыква-горлянка*), высоких морально-нравственных качеств человека (*мандаринное дерево, цветы*). Некоторым приписываются лечебные свойства (*женьшень, лечебные травы*). С некоторыми из них образованы речения фразеологического характера, пословицы и поговорки. Дальневосточный фольклор изобилует растительными образами. Растения – часть мифов, легенд и поверий (напр., *коричное дерево, утун, тыква-горлянка* и др.).

Все растения, встречающиеся в корейских и китайских художественных произведениях имеют свою символику, которая придает национальный колорит этим произведениям.

Л и т е р а т у р а

1. Бамбук в снегу. Корейская лирика VIII-XIX веков. М.: Наука. Гл. ред. восточ. литер., 1978.
2. Би Сяошен. Цвет абрикоса. М.: СП «Вся Москва», 1992.
3. Братья Хынбу и Нольбу // Верная Чхун Хян. Корейские повести XVII-XIX веков. М.: Худ. лит., 1990. С.113-190.
4. Ван Вэй. Стихотворения. М.: ГИХЛ, 1959.
5. Ван Вэй. Стихотворения. М.: Худож. литер., 1979.
6. Верная Чхун Хян. Корейские повести XVII-XIX веков. М.: Худ. лит., 1990.
7. Ду Фу. Сто печалей. СПб.: «Кристалл», 2000.
8. Записки о добрых деяниях и благородных сердцах. Л.: Худ.лит. (Ленингр. отд.), 1985.
9. Золотая птица Гаруда. Рассказы современных корейских писателей. СПб.: Центр «Петербургское Востоковедение», 1994.
10. История о верности Чхун Хян. Средневековые корейские повести. М.: Изд-во восточ. литер., 1960.
11. История цветов. Корейская классическая проза. Перевод с ханмуна. Л.: Худ. лит. (Ленингр. отд.), 1999.
12. Ким Ман Чжун. Облачный сон девяти. Роман. М.-Л.: ГИХЛ, 1961.
13. Ким Си Сып. Новые рассказы, услышанные на горе Золотой Черепахи. М.: Худ. лит., 1972.
14. Китайская классическая поэзия. М., 1977.
15. Классическая поэзия Индии, Китая, Кореи, Вьетнама, Японии. М.: Худ. лит., 1977.
16. Классическая проза Дальнего Востока. М.: Худ. лит., 1975.
17. Книга прозрений / Сост. В. В. Малявин. М.: Наталис, 1997.
18. Корейская классическая поэзия. М.: Гос. Изд-во худ. лит., 1956.
19. Корейские повести. М.: ГИХЛ, 1954.
20. Корейские предания и легенды из средневековых книг. М.: Худ. лит., 1980.
21. Ланьков А. Н. Корея: будни и праздники. М.: МО, 2000.
22. Ли Бо. Нефритовые скалы. СПб.: «Кристалл», 2000.
23. Лим Чже. Мышь под судом. Повесть. М.: Худ. лит., 1964.
24. Малявин В. В. Китай в XVI-XVII веках. Традиция и культура. М.: «Искусство» 1995.
25. Малявин В. В. Китайская цивилизация. М.: Изд-во «Астрель», 2000.
26. Нефритовая роса. СПб.: Изд-во «Азбука», 2000.
27. Роза и Алый Лотос. Корейские повести (XVII-XIX вв.). М.: Худ. лит., 1974.
28. Пак Ун Голь. Отечество. Роман. М.: Изд-во иностр. лит., 1962.

Язык, сознание, коммуникация: Сб. статей / Отв. ред. В. В. Красных, А. И. Изотов. - М.: МАКС Пресс, 2003. - Вып. 25. — 200 с. ISBN 5-317-00843-3

29. Паукер Е. О. Корея. Бесплатное приложение к журналу «Живописное обозрение». СПб.: АО «Слово», 1904.
30. Повести страны зеленых гор. М.: Гос. изд-во худ. лит., 1966.
31. Повесть о Сим Чхон // История о верности Чхун Хян. Средневековые корейские повести. М.: Изд-во восточ. литер., 1960. С.179-244.
32. Повесть о том, что приключилось с зайцем // История о верности Чхун Хян. Средневековые корейские повести. М.: Изд-во восточ. литер., 1960. С.288-322.
33. Повесть о фазане // История о верности Чхун Хян. Средневековые корейские повести. М.: Изд-во восточ. литер., 1960. С.131-147.
34. Повесть о Чёк Сёные (Чёк Сёный Чён). СПб.: ПФИВ РАН, 1996.
35. Пу Сун-лин. Рассказы Ляо Чжая о чудесах. СПб.: Изд-во Азбука», 1999.
36. Самозванцев А. М. Мифология Востока. М.: Изд-во «Алетейя», 2000.
37. Светлый источник. Средневековая поэзия Китая, Кореи, Вьетнама. М.: Изд-во «Правда», 1989.
38. Сидихменов В. Я. Китай: страницы прошлого. Смоленск: «Русич», 2000.
39. Симбирцева Т. М. Корея на перекрестке эпох. М.: ИД «Муравей-гайд», 2000.
40. Сказание о госпоже Пак // История о верности Чхун Хян. Средневековые корейские повести. М.: Изд-во восточ. литер., 1960. С. 491-547.
41. Сказки народов мира. М.: Изд-во «Правда», 1987.
42. Скитания госпожи Са по югу // История о верности Чхун Хян. Средневековые корейские повести. М.: Изд-во восточ. литер., 1960. С.323-407.
43. Сон в нефритовом павильоне. Роман. М.: Худ. лит., 1982.
44. Сон Хён. Гроздь рассказов Ёнчжэ // Петербургское востоковедение. СПб.: Центр «Петербургское Востоковедение», 1994. Вып. 5. С.25-109.
45. Ссяньчхон кыйбонь (Удивительное слияние двух браслетов). М.: Изд-во восточ. литер., 1962.
46. Тресиддер Джек. Словарь символов. М.: Изд-во торг. дома «Гранд» и др., 2001.
47. Троцевич А. Ф. Корейская средневековая повесть. М.: Наука. Гл. ред. восточ. литер., 1975.
48. Хён-жонг Чонг. Так мало времени для любви. СПб.: Русско-Балтийский информационный центр «Блиц», 2000.
49. Цветочница. Роман. Пхеньян: Изд-во литер. на иностр. на языках, 1986.
50. Цветы сливы в золотой вазе или Цзинь, Пин, Мэй. М.: Терра-книжный клуб. В 2-х томах. 1998.
51. Черепеховый суп. Корейские рассказы XV-XVII вв. Л.: Худ. лит., 1970
52. Чхунхянджон Квонджитан. («Краткая повесть о Чхун Хян»). Факсимиле ксилографа. М., 1968.
53. Ha Tae Hung. Guide to Korean culture. Seoul: Younsei University Press, 1968.
54. Park Young-man. The Scent of Flowers. Seoul: Hankang publishing Company, 1999.
55. Pratt Keith , Rutt Richard. Korea. A Historical and Cultural Dictionary. Great Britain: University of Durham, Curzon Press, 1999.